

УДК 069.01(47+57)"195"

В. Г. Ананьев

Российская музеология второй половины XX в.: парадигмы, направления и структуры советского периода развития

Статья посвящена развитию советской музеологии второй половины XX в. Автор рассматривает такие элементы ее развития, как обобщающие парадигмы, связанные с созданием учебников по музееведению, исторические аспекты исследования музейного феномена, контакты с зарубежными учеными и система музееведческого образования. Началом данного периода можно считать издание в 1955 г. «Основ советского музееведения», а завершением – появление «Российской музейной энциклопедии». Предпринята попытка показать основные парадигмы советской музеологии и проанализировать их в контексте общего развития музеологии как научной дисциплины.

В развитии российской музеологии второй половины XX – начала XXI в. можно выделить несколько отличающихся друг от друга периодов. Понимая сложность разделения экстранаучных и интранаучных факторов, влияющих на формирование науки, с некоторой долей условности все же выделим таковые.

С одной стороны, это политические факторы, на основании которых можно говорить о периодах до и после распада СССР и крушения тоталитарного государства. При этом советский период также не был однородным. В нем можно выделить несколько подпериодов, в рамках которых идеологические обстоятельства и культурные установки СССР значительно отличались (время очередного витка репрессий, продолжавшееся до смерти И. Сталина, время оттепели Н. Хрущева, застой Л. Брежнева, перестройка М. Горбачева). Музей как одна из подсистем метасистемы культуры и государственное учреждение не мог не испытывать воздействия изменений культурно-политического климата. Естественно, воздействие испытывало и связанное с ним знание – музеология.

С другой стороны, следует учитывать факторы развития музеологии как науки. З. Странский выделял три стадии в развитии музеологии: донаучную, эмпирически-описательную и стадию теории и синтеза. Переход от второй к третьей осуществлялся в 1960–1970-е гг. [1, с. 5–6]. Таким образом, по уровню развития музеологического знания данный период распадается на два существенно отличных этапа: на первом господствующее положение занимают музеографические проблемы, связанные с практикой, методикой музейной работы; на втором этапе широкое распространение получают вопросы теоретической музеологии.

Пересечения и взаимодействия факторов определили уникальные конфигурации развития советской/российской музеологии во второй половине XX – начале XXI в. В данной статье мы ограничимся рассмотрением советского периода истории российской музеологии и выделим несколько проблемных блоков, которые позволят структурировать материал: общие системы координат развития музеологии, заявленные в формате обобщающих учебников и учебных пособий; наиболее востребованные исследователями проблемы, формирующие специфический профиль научной традиции; влияние зарубежных концепций и исследовательских традиций на отечественную музеологию.

Отправной точкой развития музеологии в интересующий нас период можно считать 1955 г., когда был опубликован первый советский учебник по музееведению «Основы советского музееведения» [13], подготовленный коллективом авторов Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. Это было центральное научно-исследовательское учреждение СССР, занимавшееся вопросами музейного дела, краеведения и охраны памятников [20, с. 78–96]. Работа над учебником началась еще в 1949 г. [5, с. 149]. Его значение распространялось за пределы СССР. Он был переведен в Румынии и долгие годы являлся там единственным обобщающим трудом по музейному делу. В ГДР был опубликован его немецкий перевод. Редакционную коллегию пособия составили П. И. Галкина, В. К. Гарданов, И. П. Иваницкий, К. Г. Митяев, Г. А. Новицкий, Н. Н. Плавильщиков. Впоследствии ни один из них не принимал активного участия в развитии советской музеологии. Но участвовали в этой работе и те ученые, с чьими именами будут связаны наиболее значимые достижения советского музееведения ближайших десятилетий: А. И. Михайловская, А. Б. Закс, Д. А. Равикович и А. М. Разгон.

Том включал программное введение и шесть глав: «Музей и его специфика», «Собирательская работа музеев», «Учет, определение и научное описание музейных предметов», «Хранение музейных предметов», «Экспозиционная работа», «Массовая работа музеев». Во введении отмечалось, что основная цель пособия – «оказание практической помощи музейным работникам и, в частности, работникам наиболее массовых, краеведческих музеев, сообщая систематические знания по теории и практике музейного дела» [13, с. 8]. Для этого авторами была предпринята попытка «дать последовательное освещение всех основных вопросов деятельности советских музеев, теории и практики советского музееведения». Указание на последнее весьма существенно. Определяя сущность музееведения, авторы пособия писали: «Теория и практика советского музейного дела составили предмет особой научной дисциплины – советского музееведения», которое «призвано определить общие принципы музейной работы с учетом специфических особенностей отдельных музеев различных профилей» [13, с. 7]. Таким образом, пособие было посвящено

советскому музееведению, которое рассматривалось как сущностно отличное от несоветского, т. е., вероятно, буржуазного или капиталистического. Это демонстрировало приверженность авторов «формационному подходу» и не позволяло, по мнению современных исследователей, обратиться «к более широкому культурологическому анализу проблем музейного дела» [5, с. 152]. Предметом советского музееведения признавались теория и практика музейного дела. Следовательно, можно констатировать идеологический и ориентированный на практику характер музееологических исследований в СССР этого периода. Важно отметить одну особенность. Кроме опубликованного текста пособия 1955 г. сохранились две ранние его редакции, оставшиеся неопубликованными. Как отмечает Е. Н. Вакулина, самым существенным различием их является трактовка понятия «музееведение». В редакции 1953 г. музееведение определялось как «теоретическое обобщение передового опыта музейного строительства за советский и дореволюционный период». В 1954 г. музееведение трактовалось в качестве «системы научных представлений и принципов в области музейной работы, являющейся результатом изучения на основе марксистско-ленинской теории истории и современной организации музейного дела». В 1955 г. музееведение определяется как научная дисциплина. Это было важным для развития музееологии как самостоятельной научной дисциплины. При этом четкого различия между такими понятиями, как «музееведение», «теория музейного дела», «теоретические основы музейного дела» в пособии не было [5, с. 151].

Современные исследователи отмечают, что концепция, лежавшая в основе учебника, была двойственна. С одной стороны, она стремилась преодолеть эмпиризм и использовать основные положения марксистской теории для осмысления музейной деятельности. С другой – продемонстрировала невозможность создания непротиворечивой марксистской теории музейного дела. Это стимулировало дальнейшие поиски в области музееологии, пришедшиеся на рубеж 1950 – начало 1960-х гг., время так называемой оттепели.

Е. Н. Вакулина, используя широкий круг архивных источников, показала, что обсуждение возможных изменений в пособии началось в институте вскоре после его публикации. В 1963 г. там же началась работа над его второй редакцией. Она продолжалась почти 10 лет, но новый текст так и не был опубликован. Министерство культуры изменило научный профиль института в 1968 г., преобразовав его в Институт культуры, и вскоре остановило работы по написанию нового варианта учебника. Коллектив авторов несколько изменился. Одну из ведущих ролей в нем стал играть А. М. Разгон, с 1962 г. заместитель директора института по науке. Изменилась и концепция пособия. Оно было создано в двух редакциях, 1968 и 1970 гг. В 1966 г. было решено дополнить прежнюю структуру пособия новыми главами, посвященными научно-исследовательской работе музея,

архитектурно-художественному решению экспозиции, музейным зданиям и общественным началам в деятельности музея [5, с. 157]. Автором введения стал А. М. Разгон, который существенно изменил его содержание, отталкиваясь от теоретических, а не эмпирических предпосылок. Здесь центральное место занимали вопросы теоретического определения понятия «музееведение», его предмета, метода, структуры и места в системе наук. Проанализировав рукопись, Е. Н. Вакулина предполагает, что это произошло под влиянием идей музеологов из Центральной и Восточной Европы, в частности дискуссии в ГДР в 1964 г. и работ музеологов из Чехословакии [5, с. 158]. По А. М. Разгону, структура музееведения включала: историю музейного дела и историографию музееведения, проблемы теории музееведения, методiku различных областей музейного дела (экспозиция, хранение и т. д.), музейное источниковедение. Это была одна из первых попыток обосновать самостоятельность музеологии как научной дисциплины. Но и здесь в структуру науки входила методика основных направлений музейной деятельности, т. е. эмпирическая составляющая не была преодолена [5, с. 160].

Марксистская теория музея в пособии сохранилась, но авторы попытались органично соединить ее с теоретическими представлениями о музейном предмете. Это было осуществлено за счет популярной в 1960-е гг. теории информации. Этот период в истории советской науки – период широкого увлечения семиотикой, которое имело не только академический, но и политический характер своеобразной оппозиции господствующему, материалистическому дискурсу. В это время формируется московско-тартуская семиотическая школа (Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и другие лингвисты, историки культуры). Переводятся труды ряда зарубежных ученых (Н. Винер, Л. Ельмслев, К. Шеннон и др.). Природа музея понимается на методологической основе марксистской теории познания, дополненной теорией информации. И. П. Иваницкий попытался проанализировать с помощью этой теории сущность музейного предмета. В 1955 г. авторы пособия писали, что «предметы приобретают музейное значение или в связи со своей необычностью или в связи с исчезновением подобных предметов» [13, с. 35], т. е. музейный предмет определялся на основании своей редкости. В 1968 г. в пособии отмечалась не только важность предмета как объекта чувственного познания или источника знаний, но и его значимость как знака эпохи [5, с. 163]. Однако такое понимание знаковой составляющей музейного предмета было достаточно ограниченным. Марксистская теория познания и теория информации были соединены механистически.

Между 1969 и 1970 гг. И. П. Иваницкий сделал доклад в Институте культуры «Музееведение в свете теории информации». Он отмечал, что данную теорию нужно использовать при рассмотрении вопросов, для объяснения которых в марксистской теории музея у нас нет «даже под-

ходов». Так был поколеблен абсолютный примат марксизма в советском музееведении и сформулирована возможность поиска дополнительных путей. В число таких вопросов были включены: проблема происхождения музея, которая объясняется не причинами возникновения, а его следствиями; специфика музея, которая не согласуется с музейными предметами современности (критерий редкости); сравнительная оценка значения различных подлинников между собой; природа интереса к музейным вещам, в том числе мемориальным [5, с. 169–171]. Это направление не получило дальнейшего развития в советской музеологии.

Развитие музееведческой мысли в этот период прослеживается на следующем примере: в редакции пособия 1968 г. была одна теоретическая глава («Теоретические основы музееведения»), а в редакции 1970 г. их уже две – «Музееведение в системе наук» и «Музей и его функции». Этим было намечено разделение музееведческой и музейной проблематики. С музейной проблематикой были связаны вопросы о месте и задачах музея в обществе, функции музея, экспозиции и т. д. А с музееведческой – предмет, метод и структура музееведения, соотношение музееведения и профильных дисциплин [5, с. 172]. Впервые А. М. Разгоном была предпринята попытка дать определение предмету музееведения. В нем ученый выделял три системы понятий: происхождение музея, его место в жизни различных общественных систем, типы музеев, их классификация, внутренняя организация, функциональная специфика музея и др.; изучение источников о явлениях природы и общества; изучение явлений природы и общества, соответствующих профилю музея. Вторая и третья части предмета фактически дублировали друг друга. Но впервые музееведение и теория музея как общественного института не уравнивались. Первое признавалось более широким понятием, второе – частью первого. Вместе с тем присутствовало только расширение предмета музееведения, но не его углубление [5, с. 175]. Четкого определения методов и структуры музееведения в пособии не было. Место музееведения в системе наук определялось как «неоднозначное». Текст пособия не был опубликован. Но работа над ним способствовала проработке ряда теоретических вопросов музееведения ведущими советскими учеными. Значительная часть их идей была опубликована в отдельных статьях. А общая идея – создание обобщающего нового учебника по музееведению – была реализована в 1980-е гг.

В этом вновь решающую роль сыграл А. М. Разгон. В 1972 г. он ушел из Института культуры и перешел на работу в Центральный музей революции (Москва), где возглавил сектор музееведения. В 1974 г. он перешел в Государственный исторический музей (Москва), где возглавил отдел картографии. Именно здесь ему удалось воплотить проект, оставшийся нереализованным в начале 1970-х гг. Работа над новым вариантом учебника по музееведению теперь была запланирована как совместная рабо-

та советских ученых и ученых из ГДР. Организационную поддержку (весьма важную в условиях СССР) этому проекту оказал директор Исторического музея К. Г. Левыкин. Благодаря активному участию в деятельности ИКОФОМ, А. М. Разгон смог привлечь к участию ряд немецких музеологов, а К. Г. Левыкин договорился об участии в проекте Музея немецкой истории (Берлин). Работа началась в конце 1970-х гг. [10, с. 103]. Учебник был опубликован на русском и немецком языках в 1987 г. (Берлин) и 1988 г. (Москва) под редакцией двух директоров музеев К. Г. Левыкина и В. Хербста. Проект был подготовлен А. М. Разгоном. В число авторов вошли создатели прежних редакций (А. М. Разгон, А. Б. Закс, А. И. Михайловская), новые авторы (Т. Г. Игумнова, К. М. Газалова), немецкие ученые (И. Аве, В. Рихтер, К. Лазер) [11].

Учебник получил название «Музееведение. Музеи исторического профиля» и был рекомендован для студентов-историков. Он состоял из 11 глав. Две первые носили теоретический характер и были посвящены проблеме музееведения как научной дисциплины, роли и социальным функциям исторического музея в социалистическом обществе. В остальных главах рассматривались направления работы исторических музеев (исследовательская деятельность, фондовая работа, комплектование фондов, учет и документация фондов, хранение фондов, научная подготовка музейной экспозиции, архитектурное решение музейной экспозиции, массовая идейно-воспитательная работа), а также здания, в которых должны располагаться исторические музеи [11]. Во многом это издание подвело итог советскому этапу в развитии музееведения и стало последним масштабным проектом в области музееведения в СССР [17, с. 30].

Автором главы «Музееведение как научная дисциплина» был А. М. Разгон. В ней он предложил следующее определение музееведения – «общественная наука, изучающая процессы сохранения социальной информации, познания и передачи знаний и эмоций посредством музейных предметов, музейное дело, музей как общественный институт, его социальные функции и формы их реализации в различных общественно-экономических условиях» [11, с. 9]. Ссылаясь на работы чешских и восточнонемецких музеологов, А. Разгон отмечал, что в социалистических странах музееведение (музеология) признается самостоятельной наукой, спор идет лишь о ее характерных признаках (предмет, структура, метод, язык). Буржуазные ученые, по его мнению, развивают иные методологические подходы и нередко вообще отрицают возможность существования музеологии как самостоятельной науки [11, с. 8]. Синтезируя подходы к определению предмета познания музеологии, которые были предложены И. Неуступным, Й. Бенешем, З. Странским, учеными ГДР, А. Разгон отстаивает как наиболее плодотворный комплексный подход. Он считает предметом познания музеологии и закономерности, связанные с музеем

как общественным институтом, и закономерности, связанные с музейными предметами, и музейное отношение человека к действительности.

А. Разгон обосновывает такое важное для дальнейшего развития отечественной музеологии понятие как «музейное дело». Это особая сфера общественной деятельности, которую составляют практическая деятельность музеев и охрана памятников, музейная сеть, музейная политика и законодательство, система подготовки и повышения квалификации кадров, профильные научные, научно-методические и учебные центры, специализированная периодика и сама специальная научная дисциплина – музееведение [11, с. 18]. В определении структуры музееведения как научной дисциплины А. М. Разгон следует схеме, предложенной в 1971 г. З. Странским, но модифицирует ее. Музееведение состоит из 4 основных разделов: история музейного дела (включая историографию), теория музейного дела, музейное источниковедение, прикладное музееведение. Теория музейного дела состоит также из 4 разделов: общая теория музееведения, теория документирования, теория тезаврирования, теория коммуникации. Прикладное музееведение включает: научную методику музейной работы, технику, организацию и управление. Такая структура относится как к общему, так и к специальному музееведению. Общее музееведение имеет отношение к музейному делу в целом, к общим закономерностям музеев всех профилей и типов. Специальное музееведение ориентировано на особенности, вызванные близостью музея конкретной профильной дисциплине, виду искусства или производства [11, с. 23 и далее]. Таким образом, здесь прослеживается влияние идей И. Неуступного. Общая концепция А. Разгона оказывается синтезом идей восточноевропейских музеологов, в первую очередь, И. Неуступного (общее и специальное музееведение) и З. Странского (структура науки) [1, с. 70–80]. При этом в ней важное место занимает традиционное для российской науки внимание к музейным предметам как первоисточникам знаний. Это определяет появление такой части музееведения как музейное источниковедение, ориентированное на изучение музейных предметов. Его отличие от традиционного источниковедения заключается в том, что исследуется не только семантическая информация предмета (информативность), но и такие его свойства, как аттрактивность и экспрессивность, т. е. то, что позволяет использовать его в процессе музейной коммуникации. В целом для такого подхода характерно внимание к «внутренним функциям музея» и изучению основ функционирования музея как конкретного социокультурного института, а не институции.

Традиционно важное место в советской музеологии занимала историческая музеология или «история музейного дела». Именно в середине 1950-х гг. в Институте музееведения началась работа над масштабным проектом, посвященным этой теме [8, с. 74]. Идея написания обобщающего труда по истории музейного дела в России принадлежала видному

музеологу первой половины XX в. Г. Л. Малицкому – одному из первых лекторов по музеологии, который преподавал эту дисциплину в Московском университете [18]. В архивных материалах, связанных с деятельностью Государственного ученого совета, сохранились документы, показывающие, что еще в 1920-е гг. он планировал написать обобщающую работу на эту тему [16, л. 18 и далее]. Тогда этот проект не был реализован. В конце 1940-х гг. была предпринята новая попытка. Предполагалось создание двухтомной монографии по истории сохранения в России – СССР культурного наследия. Но выяснилось, что есть ряд причин, по которым реализовать этот проект невозможно: слабо изучена история отдельных музеев, музейной сети, музейной мысли и т. д. Поэтому в середине 1950-х гг. проект монографии был заменен на проект серии очерков по истории отдельных сюжетов из музейной истории Российской империи – СССР. Коллектив авторов составили ведущие сотрудники Института музееведения. Руководил им А. М. Разгон. В 1957–1971 гг. было опубликовано 7 томов, в которые вошло 47 статей. У этого проекта не было обобщающей концепции, в этом заключалась его слабая сторона. Выбор тем был произволен, не были охарактеризованы все типы музеев и не все регионы страны, почти нет сведений по частному коллекционированию, биографиям, истории музейного законодательства, истории музееведения, международным связям музеев. Но огромно его положительное значение: впервые использован большой пласт архивных материалов, изучена история крупнейших музеев страны (Исторического музея, Оружейной палаты, Эрмитажа), история формирования ведущих типов музеев (исторических, художественных, археологических), история выставочной деятельности, история охраны памятников. В основе большинства статей лежал принцип объективного научного анализа исторических источников. Это позволило пересмотреть и уточнить многие важные черты музейной истории России [20, с. 93–94]. В 1971 г. проект был закрыт (из-за упоминавшегося выше репрофилирования института), ряд статей был опубликован в сборниках института (по истории экспозиционной мысли советских исторических музеев и др.), а некоторые опубликованы в начале 1990-х гг.

Продолжением проекта стало издание в 1991 г. тем же институтом двух томов под общим названием «Музей и власть». Первый том включал статьи, посвященные хронологическому анализу государственной музейной политики в России с начала XVIII – до конца XX в. Это также был существенный вклад в дело развития исторической музеологии в России [12].

Можно проследить связь «Очерков по истории музейного дела в России» с еще одним монументальным исследовательским проектом советской/российской музеологии. В 1970-е гг. в Институте культуры был собран огромный материал по истории музейного дела, теории и методике

музейной работы (в связи с подготовкой «Основ советского музееведения»). Количественные изменения должны были перейти в качественные и в начале 1980-х гг. в институте возникла идея подготовить музейную энциклопедию. В середине 1980-х гг. коллектив авторов приступил к работе. В 1987–1990 гг. были опубликованы концепция энциклопедии, словарь, методические рекомендации для авторов статей. Автором концепции была Д. А. Равикович, участвовавшая и в написании «Очерков...», и в подготовке «Основ советского музееведения» [19]. Как отмечают авторы, «процесс подготовки энциклопедии перерос в многолетнее исследование в области истории и теории музейного дела» [15, с. 5–10]. Из-за сложной экономической ситуации в России 1990-х гг. два тома Российской музейной энциклопедии были опубликованы только в 2001 г. (второе издание вышло 2005 г.). В составе Института культурологии был создан особый сектор музейной энциклопедии. Авторами стали ок. 1000 человек. Ученые выбрали исторический подход к анализу материала. Статьи составляют несколько блоков: история музейного дела, теория, прикладное музееведение, биографии. Около половины материала – статьи, посвященные музеям России (ок. 1000), около 300 статей освещают биографии музеев и музейных работников. В отдельных статьях рассматриваются такие ключевые понятия, как музей, музееведение, музеография, музейная профессия. Каждая статья включает библиографию. В энциклопедии опубликовано около 1700 иллюстраций [15, с. 5–10]. Однако материал посвящен музейному миру России. Международные контакты российских музеев или музеологии упоминаются очень кратко. Интересно отметить, что статья «Музееведение» состоит из двух частей, написанных двумя авторами. В первой части характеризуется история зарубежной музеологии (с многочисленными ошибками в написании имен музеев и названий их трудов), во второй – история российской музеологии [15, с. 386–388]. Отсутствие синтеза частей явилось примером слабых связей российской музеологии с международным интеллектуальным контекстом даже в 1990-е гг.

Это не случайно. Международные контакты советских музеев были практически ликвидированы в середине 1930-х гг. Некоторая активизация в этой области произошла лишь в период так называемой оттепели, когда СССР в 1957 г. присоединился к работе ИКОМ. Был создан национальный советский комитет ИКОМ. Но это было сотрудничество на уровне музейной практики (обмен выставками, реституция культурных ценностей после Второй мировой войны) [3, с. 90]. На уровне теории контактов практически не было. С одной стороны, это было связано с причинами методологическими. Как отмечалось выше, в этот период акцент делается на развитии советского музееведения. Исследования зарубежных ученых критикуются как буржуазные заблуждения. С другой стороны, это было связано с причинами лингвистическими – слабым знанием со-

ветскими музеологами иностранных языков. Государство не слишком поощряло изучение английского языка – языка буржуазной идеологии. Более широко было распространено изучение немецкого языка, на котором говорили в социалистической ГДР. В любом случае, как правило, только специальное филологическое образование давало качественное знание языка. Значительная часть музеологов по первому образованию были историками. Свободное владение несколькими иностранными языками не являлось их сильной стороной. Кроме того, надо помнить и о слабой доступности специализированной музеологической литературы из-за границы. Свободные контакты с иностранными коллегами были существенно ограничены. Только крупнейшие библиотеки получали некоторые журналы и книги по музеологии. Реальные каналы обмена идеями практически отсутствовали.

Политические причины привели к тому, что связь с зарубежной музеологией ограничивалась контактами с музеологами из стран Восточной и Центральной Европы (Чехословакия, Польша, ГДР). Но и их работы почти не переводились. В качестве примера можно привести исследования археолога и музеолога И. Неуступного. Его археологическим работам повезло с русскими переводами больше, чем исследованиям по музеологии. Еще в 1947 г. в Праге в русском переводе вышла его классическая работа «Первобытная история Лужицы». Позже на русском языке был опубликован доклад «Историческая концепция археологических экспозиций», сделанный на конференции исторических и археологических музеев ИКОМ, проходившей в Ленинграде и Москве 9–18 сентября 1970 г. И. Неуступный поддерживал контакты с советскими учеными. Например, в фонде археолога С. И. Руденко нам удалось обнаружить одно его письмо. В архиве Эрмитажа – письма к А. П. Манцевич, датированные 13 декабря 1957 – 29 июля 1958 гг. В них он просит о присылке копий музейных предметов для готовящейся выставки и рассказывает о своих экспозиционных идеях. Возможно, это повлияло на особенности экспозиции археологического материала в Эрмитаже [4]. При этом ни одна из его работ по музеологии не была переведена на русский язык.

Широко известны исследования музеологов Восточной и Центральной Европы в СССР стали после того, как в 1984 г. А. М. Разгон подготовил обзор «Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран» [14]. Это было характерно для того времени. Издавались не русские переводы иностранных исследований, а составленные советскими экспертами дайджесты. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина издавала серию «обзорной информации» по теме «Музейное дело и охрана памятников». Брошюры этой серии содержали обзор исследований последнего времени.

Обзор, подготовленный А. М. Разгоном, демонстрирует широту его кругозора, сформировавшуюся благодаря активной работе в ИКОФОМ [9].

Но ученый не знал чешского языка, вероятно, переводы для него готовили референты, или он пользовался немецкими переводами. Однако до сих пор музеологи в России часто ссылаются именно на этот обзор идей зарубежных ученых, а не на их собственные статьи. Lost in translation в таком случае почти неизбежно. В 1986 г. в этой же серии был опубликован обзор «Современные тенденции развития музейной коммуникации в капиталистических странах: теория и практика» (М. Б. Гнедовский). В брошюре были проанализированы 79 работ западных авторов, посвященные вопросам музейной педагогики, работы с аудиторией и т. д. Среди них – две статьи Д. Камерона, две книги К. Хадсона, две монографии М. Маклюэна [7]. В СССР определенное развитие получили идеи музейной коммуникации в версии Д. Камерона, но не Э. Хупер-Гринхилл. Внимание к проблемам музейной коммуникации, вероятно, было связано с тем, что и музеи СССР затронул «музейный бум» 1970-х гг., что нашло отражение в первых масштабных исследованиях музейной аудитории, проводившихся Институтом культуры в 1970-е гг. Вместе с тем эти исследования проводились в контексте прагматики работы советских музеев и оказались мало связанными с теоретическими разработками зарубежных ученых. Еще в 1989 г. сотрудники Лаборатории музееведения Центрального музея революции СССР писали, что одна из характерных черт советского музееведения – незнание теоретических разработок западных ученых. Это было вполне справедливо [цит. по: 19, с. 35–36].

В СССР утвердилось представление, что на Западе музеология понимается как прикладная дисциплина, в ней господствует подход, ориентированный на практику. В некотором смысле это было развитием общих хрестоматийных представлений о прагматичном Западе и духовной России, одной из граней широко известного культурного стереотипа.

Однако перестройка 1980-х гг. все же способствовала более тесному, чем прежде, знакомству советской науки с иностранной. С начала 1980-х гг. издавался русский перевод журнала *Museum International*. В 1985 г. был опубликован русский вариант журнала *Museum*, посвященного вопросам новой музеологии (№ 148). На русском языке были изданы статьи Ж. А. Ривьера «Эволюционное определение экомuzeя», П. Мейрана «Новая музеология», М. Беллег «Участие населения в работе экомuzeя» и др. Первые проекты создания экомuzeев в СССР появляются именно после этого.

В конце 1980-х гг. в сборниках статей публиковались переводы отдельных исследований таких авторов, как А. Грегорова, З. Странский, К. Шрайнер, В. Глузинский, П. ван Менш. Но публикация этих работ вне контекста общей историографической традиции зачастую приводила к негативным последствиям. Читатели на основании одной, иногда произвольно выбранной статьи, делали выводы о научной концепции исследователя. Не учитывалась эволюция его взглядов. Это приводило к искаженному пониманию. Показательны споры о концепции З. Странского, которые

ведутся в России на основании изложения его идей А. М. Разгоном и переводов двух его статей. Такой подход не позволяет верно понять суть и эволюцию концепции музеолога.

В целом, следует отметить, что в советском музееведении благодаря посреднической роли А. М. Разгона была принята структура музеологии, которую разработал З. Странский, но скорректированная и творчески переосмысленная. Парадоксальным образом принято было и представление об общей музеологии и специальной музеологии, восходящее к И. Неуступному. Со второй половины 1980-х гг. начало получать распространение представление о музейной коммуникации, но в виде модели линейной коммуникации Д. Камерона. Общий уровень знакомства с работами иностранных ученых оставался поверхностным.

Система музееведческого образования, вероятно, весь советский период оставалась самой слабой частью развивающегося музеологического дискурса. Преподавание музееведения началось в России в начале XX в. Этот курс читали в Археологических институтах (Москва и Санкт-Петербург/Петроград) наряду с другими курсами вспомогательных исторических дисциплин (историческая география, палеография, сфрагистика и т. д.). Институты должны были готовить сотрудников для архивов и музеев [3, с. 6]. В 1920-е гг. неоднократно предпринимались попытки наладить систему музееведческого образования, но ни одна из них не просуществовала долго. Лишь в 1939 г. на историческом факультете МГУ была создана кафедра музейной и краеведческой работы (позднее – музееведения), которой руководил сотрудник Исторического музея Г. А. Новицкий. В 1953 (1957?) г. эта кафедра была закрыта. Ее история до сих пор не изучена и требует обращения к архивным источникам. Музееведение продолжали преподавать в крупных университетах и институтах для студентов, изучающих историю. Так, например, в Ленинградском государственном университете (ныне – Санкт-Петербургский государственный университет) курс «музееведение» для студентов-искусствоведов и археологов в конце 1940 – начале 1950-х гг. читали выдающиеся ученые, сотрудники Эрмитажа – В. Ф. Левинсон-Лессинг (искусствовед, автор истории картинной галереи Эрмитажа) и Л. А. Мацулевич (византист). Курсы, как правило, длились один семестр (4 месяца) и состояли из лекций и семинаров. Их программы не были опубликованы. Но в фонде Л. А. Мацулевича (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук) сохранились его рукописи, связанные с этим курсом. Для того чтобы понять, что именно представляли собой такие курсы, рассмотрим программу Мацулевича [2].

Задача его курса – «с одной стороны, подготовить студента к практической работе в музее; с другой стороны, расширить его кругозор, направив мысль на теоретические проблемы комплексной музейной науки и тем облегчить немусейному работнику пользование научными материа-

лами музея». Поэтому в курс включались и практические занятия. Курс состоял из нескольких частей: история музейного дела дореволюционного периода (от Античности до начала XX в.); «Великая Октябрьская социалистическая революция – новая эра в музейном деле»; «Задачи и основные стороны деятельности советского музея»: «1) систематическое собирательство; 2) ученое хранение и документация; 3) всестороннее исследование музейных коллекций; 4) экспозиция; 5) публикация материалов; 6) научно-просветительная работа внутри музея и вне его; 7) разработка профессиональной музейной проблематики и теоретического музееведения; 8) уточнение и развитие программы музея». Как видим, наряду с историческим и прикладным аспектами, в этой программе присутствует и постановка вопроса о теоретическом музееведении. Но она явно находится на заднем плане. О природе музееведения говорится очень кратко: «Комплексность и энциклопедичность науки музееведения». Другие материалы из архива ученого показывают, что основной акцент на лекциях и семинарах делался им на практическом аспекте музейной деятельности [2].

Отсутствие полноценной системы музеологического образования вызвало критику со стороны музейных работников и государственных органов. В 1964 г. идеологическая комиссия ЦК КПСС подготовила документ «О состоянии и мерах улучшения работы музеев». В нем среди прочего было рекомендовано начать подготовку по музееведению в Московском и Киевском университетах, а также в Историко-архивном институте (Москва) [12]. Это не привело ни к каким результатам. В 1978 г. Министерство культуры РСФСР предложило создать систему подготовки музейных сотрудников, но это предложение было отвергнуто по инициативе Министерства финансов. Лишь в 1983 г. в СССР создается самостоятельная кафедра музейного дела. Это кафедра во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры (Москва, инициатор и первый заведующий – А. М. Разгон). Она была рассчитана на уже практикующих музейных работников [6].

Для студентов первые программы и кафедры создаются лишь в 1988 г. – в Историко-архивном институте (Москва) и Институте культуры (Ленинград). Первоначально обучение проводилось на основании стандарта «Музейное дело и охрана памятников», в 2002 г. был принят стандарт «Музеология», который предполагал более высокую степень концептуализации материала. На практике же эти стандарты фактически дублировали друг друга и в 2009 г. были объединены в один – «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». В начале XXI в. Россия переходит на болонскую систему образования и сейчас в стране существует более 30 кафедр, осуществляющих подготовку как бакалавров, так и магистров в области музеологии. Впрочем, это относится уже к следующему историческому этапу в развитии отечественной музеологии.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что вторая половина XX в. в развитии отечественной музеологии оказалась периодом, для которого было характерно совмещение как новых тенденций, так и тех, что восходили к более раннему времени. С одной стороны, впервые предпринимаются попытки разработать обобщающую парадигму музееведения, некие концептуальные рамки, в которых могли бы разрабатываться отдельные элементы этой науки. С другой – продолжает уделяться традиционное для российской науки внимание к историческим аспектам музейного феномена (вероятно, в данный период стимулируемое тем пониманием связи между историей и теорией, которое было характерно для марксизма). Попыткой синтеза этих направлений стала концептуализация такого понятия, как «музейное дело», включающего практические и теоретические аспекты исследуемого феномена. Контакты с зарубежной наукой были ограничены, что было связано с общей установкой СССР на культурную и научную автономию. Определенные изменения в этой области произошли благодаря активной деятельности А. М. Разгона, выступившего в роли «культуртрегера от музеологии», но и его усилия привели скорее не к знанию зарубежной музеологии отечественными исследователями, а к знанию о зарубежной музеологии. Такая ситуация во многом продолжает сохраняться и до настоящего времени. Именно с окказиональным знанием работ зарубежных музеологов (И. Неуступного, З. Странского) связано формирование советского варианта структуры музеологии как научной дисциплины, несущего черты определенного механизма. Отсутствие оригинальной концепции музеологии можно связать с плачевным положением системы музееведческого образования, которое практически отсутствовало в советский период. Тем самым музеология была лишена инструмента, который бы транслировал и совершенствовал профессиональное знание.

1. *Ананьев, В. Г.* История зарубежной музеологии : учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев ; С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т истории. – СПб., 2014. – 136 с.

2. *Ананьев, В. Г.* Музееведение в преподавательской деятельности Л. А. Мацулевича: по материалам фонда ученого / В. Г. Ананьев // Вспомогательные исторические дисциплины / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Археограф. комис., С.-Петербург. отд-ние ; ред. М. П. Ирошников [и др.]. – СПб., 2013. – Т. 32. – С. 498–508.

3. *Ананьев, В. Г.* Национальные и международные музейные организации : учеб.-метод. пособие / В. Г. Ананьев ; СПбГУ. – СПб., 2013. – 140 с.

4. *Ананьев, В. Г.* К 105-летию Иржи Неуступного: Известные письма из архива Государственного Эрмитажа / В. Г. Ананьев // Музей. – 2010. – № 8. – С. 66–71.

5. *Вакулина, Е. Н.* Развитие отечественной музеологической мысли в 1950 – начале 1970-х гг. / Е. Н. Вакулина // Проблемы теории, истории и методики музейной работы: науч. тр. / Гос. центр. музей совр. истории России. – М., 2000. – Вып. 25. – С. 138–184.

6. *Газалова, К. М.* Педагогическая деятельность А. М. Разгона / К. М. Газалова // Слово о соратнике и друге (к 80-летию А. М. Разгона) : науч. чтения. – М. : ГИМ, 1999. – С. 24–29.

7. *Гнедовский, М. Б.* Современные тенденции развития музейной коммуникации в капиталистических странах: теория и практика / М. Б. Гнедовский. – М., 1986. – 40 с. – (Музейное дело и охрана памятников. Обзор. информ. Вып. 1 / Гос. б-ка им. В. И. Ленина).

8. Годунова, Л. Н. История и организация музейного дела России. Проблемы историографии (60-е – начало 90-х гг. XX в.) / Л. Н. Годунова // Проблемы теории, истории и методики музейной работы: науч. тр. / Гос. центр. музей совр. истории России. – М., 2000. – Вып. 25. – С. 71–137.

9. Игумнова, Т. Г. Значение исследований А. М. Разгона в развитии международного музееведения / Т. Г. Игумнова // Слово о соратнике и друге (к 80-летию А. М. Разгона): науч. чтения. – М.: ГИМ, 1999. – С. 42–46.

10. Левыкин, К. Г. Слово о соратнике и друге (Из воспоминаний директора) / К. Г. Левыкин // Слово о соратнике и друге (к 80-летию А. М. Разгона): науч. чтения. – М.: ГИМ, 1999. – С. 96–106.

11. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш. шк., 1988. – 431 с.

12. Музей и власть: сб. науч. тр.: в 2 ч. / НИИ культуры. – М., 1991. – Ч. I: Государственная политика в области музейного дела. – 191 с.

13. Основы советского музееведения. – М.: Госкультпросветиздат, 1955. – 373 с.

14. Разгон, А. М. Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран / А. М. Разгон. – М., 1984. – 40 с. – (Музейное дело и охрана памятников. Обзор. информ. Вып. 1 / Гос. б-ка им. В. И. Ленина).

15. Российская музейная энциклопедия / Рос. ин-т культурологии. – М.: Прогресс: РИПОЛ Классик, 2005. – 845 с.

16. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. – Фонд 800 (Н. Я. Марр). – Оп. 4. – Д. 264.

17. Скрипкина, Л. И. «Музееведение. Музеи исторического профиля» и основные тенденции развития музееведения в конце XX в. / Л. И. Скрипкина // Слово о соратнике и друге (к 80-летию А. М. Разгона): науч. чтения. – М.: ГИМ, 1999. – С. 30–41.

18. Сосименко, И. П. Основоположники отечественного музееведения: Г. Л. Малицкий и его педагогическая деятельность / И. П. Сосименко // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 46–54.

19. Сундиева, А. А. Коллега, историк и музеолог / А. А. Сундиева // Музей. – 2014. – № 12. – С. 58–59.

20. Фролов, А. И. Из истории становления музееведческих центров России / А. И. Фролов // Музей и власть: сб. науч. тр.: в 2 ч. – М., 1991. – Ч. II: Из жизни музеев / НИИ культуры. – С. 62–103.

V. Ananiev

Russian museology of the second part of the XXth century: paradigms, approaches and structures of soviet period of development

The article is devoted to the development of Soviet museology of the second half of the twentieth century. The author examines such elements of its development as general paradigms associated with the creation of textbooks on museology, historical aspects of the study of the phenomenon of the museum, international museological contacts with foreign museologists and system of museological education. The publication of "Basics of Soviet museum studies" in 1955 can be considered the beginning, and the emergence of "Russian Museum Encyclopaedia" – the end of this period. The article attempts to show the basic paradigms of the Soviet museology and analyze them in the context of general development of museology as an academic discipline.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 15.02.2016.